

РАССКАЗЫВАЮТ НЕМЕЦКИЕ СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ – ПОЛЬША, ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ, ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Эти люди были и до конца своих дней оставались убежденными нацистами. Они никогда не сомневались в том, что сражались за правое дело против коммунистов, евреев, СССР и западных демократий, и искренне сожалели о том, что потерпели поражение. От них не услышишь признаний в том, что в оккупированных ими странах от их рук и рук их приспешников погибло огромное количество ни в чем неповинных людей. Впрочем, судите сами...

АДОЛЬФУС Ф. (ADOLFUS F.)

Это интервью было взято в 1990 году у человека, состоявшего в штурмовых отрядах Гитлера на ранней стадии нацистского движения и позднее служившего в Дивизии Ваффен СС Leibstandarte-SS Adolf Hitler (LAH).

Картина, написанная в 1938 году [Эльком Эбером](#) (Elk Eber) и изображающая штурмовиков на марше. Известна тем, что была приобретена Гитлером за 15 000 марок...

Что привлекло Вас к вступлению в [СА](#) и борьбе за Гитлера?

Прежде всего, я боролся за Германию, а не за Гитлера. Он был нашим лидером и призывал нас делать всё ради Германии, а не ради него самого. Я вырос здесь, в Гамбурге, в семье рабочих среднего достатка. Мой отец работал в порту, и я пошёл по его стопам. Он был сторонником [Красного Фронта](#), поскольку нам казалось, что это лучший способ помочь рабочим. Мы часто пели *Интернационал*, но мне всё время казалось, что чего-то во всем этом не хватает.

Однажды объявили, что неподалёку состоится митинг и будут выступать ораторы из НСДАП. Мне стало любопытно узнать, что они собираются говорить. Я слышал о них много плохого, но хотел составить собственное мнение. Поначалу люди, охранявшие место

проведения митинга, смотрели на меня настороженно, поскольку раньше я маршировал вместе с *Красным Фронтом*, и, возможно, они меня узнали. Однако меня оставили в покое, и я услышал выступление о тяжёлом положении рабочего класса, о том, как марксисты используют народ лишь как расходный материал, о том, что любовь к своему народу и нации является признаком принадлежности к великому движению, а также о необходимости твёрдой веры в Бога. Меня давно беспокоило, что *Красный Фронт* был крайне враждебен к религии. Нашим лидером был еврей, который сам придерживался своей веры, что казалось мне странным, тогда как от нас он требовал отказаться от нашей религии и фактически выступать против неё. Вернувшись домой, я поговорил с отцом. Он был человеком разумным. Он согласился, что поднятые вопросы действительно важны, и мы обсудили, что нам нравится и не нравится в *Красном Фронте*. Мы решили, что когда НСДАП снова проведёт выступление, то пойдём вместе. Это было в 1929 году.

Через несколько месяцев мы снова пришли на их собрание. На этот раз выступал новый оратор — сам Гитлер. Толпа была огромной. Активисты *Красного Фронта* забрасывали камнями и бутылками людей, входивших в помещение, где намечался митинг. Мы узнали некоторых из них и были вынуждены сказать, что идём внутрь якобы для того, чтобы сорвать мероприятие под прикрытием, иначе они могли бы на нас напасть. Гитлер говорил именно то, что мы хотели услышать от лидера. Он казался честным, смелым человеком, и мне казалось, что он действительно заботится о нашей стране и нашем народе. Именно тогда я решил изменить свою жизнь и вступить в СА. После этого выступления я поговорил с одним из членов организации, и он объяснил мне, куда прийти для знакомства и проверки того, действительно ли это мой путь.

Мой отец тоже был впечатлён Гитлером, но вступать не захотел — он считал себя слишком старым для строевой жизни и маршей. Меня немного разочаровало, что форму пришлось покупать за собственные деньги, хотя партия предоставляла значительные скидки и субсидии. Тем не менее я с нетерпением ждал своего первого марша и митинга.

Что Вы думали о Красном Фронте после вступления в СА?

Я никогда не считал входивших в него своими врагами. Они были заблуждающимися людьми, преданными чуждой идее, но всё же оставались моими согражданами. Именно это всегда беспокоило меня в них, ещё с самого начала: всё делалось не ради Германии. Речь постоянно шла о Москве и мировой революции. Мне приходилось вести себя осторожно, потому что некоторые из них были очень агрессивны. Они выясняли, где живут члены СА, нападали на их дома и семьи или добивались увольнения людей с работы из-за их политических взглядов.

Маршируют красные фронтовики

Мы пытались поддерживать отношения с друзьями из *Красного Фронта* и объяснять, почему перешли на другую сторону, но они переполнились ненавистью и больше не хотели иметь с нами ничего общего. Работать в порту стало трудно, поскольку нас там дискриминировали. Со временем моё отношение к ним становилось всё более негативным. Я видел их поступки на практике. Они проповедовали свободу, терпимость и широту взглядов, но, по моему мнению, были лицемерами. К тому времени, когда мы выиграли выборы, я уже ненавидел их, поскольку видел в них лишь криминальный элемент, маскирующийся под политическую партию и использующий ненависть и террор для достижения своих целей.

Часто ли Вы участвовали в уличных драках с ними?

Нет. Средства массовой информации сильно преувеличивают это. В большинстве случаев всё проходило мирно: люди просто кричали друг на друга и бросались чем попало. Благодаря СА я смог съехать из квартиры родителей и поселиться отдельно. Арендная плата была очень низкой, потому что владелец жилья оказался партийным товарищем. Было приятно жить самостоятельно в девятнадцать лет.

Расскажу об одном необычном случае и о том, как я познакомился со своей первой девушкой. В 1929 году положение Германии было тяжёлым, экономика находилась в полном упадке. Наш штурмовой отряд направлялся на марш протеста против голосования, которое должно было запретить нашу символику и публичные шествия. Нас было около семидесяти пяти человек, и мы шли к зданию мэрии. По дороге коммунисты бросали в нас камни и пытались сорвать шествие. Полиция, хотя большинство её сотрудников и симпатизировали нам, получила приказ не вмешиваться от своего начальника, которого мы считали марионеткой. Пока мы стояли по стойке смирно и слушали выступление нашего руководителя, я заметил очень грязную на вид девушку. Она подошла ко мне и попыталась сорвать мою нарукавную повязку.

Несмотря на её потрёпанную одежду, я увидел, что она очень красива. Я заметил, что на её грязной блузке отсутствуют пуговицы, и это сразу привлекло моё внимание. Она кричала на меня, спрашивая, почему я марширую вместе с людьми, которые выступают против лучшего будущего и против прав человека. Я нарушил строевую дисциплину и ответил ей, что делаю это ради своей страны, своего народа и ради неё самой, чтобы у неё была лучшая жизнь. Она сказала, что живет на улице, но всё равно считает своим долгом бороться за права человека, потому что это правильно. Я ответил, что правильнее будет проявить к ней сострадание, предложить ей поесть и дать возможность привести себя в порядок. Она сразу замолчала, удивлённо посмотрела на меня и спросила, серьёзно ли я говорю. Я ответил, что абсолютно серьёзно и что она может пойти со мной после окончания мероприятия. Мой штурмфюрер закричал, чтобы я прекратил разговаривать. Я подмигнул девушке и надеялся, что она действительно пойдёт за мной.

К моему удивлению, так и произошло. Я привёл её к себе домой, предложил поесть и воспользоваться душем. Она не стеснялась своей внешности, и вскоре между нами возникли взаимное влечение и чувства. К тому времени мне удалось заработать дополнительные деньги, и на следующий день я повёл её покупать новую одежду. Она согласилась работать вместе с женой одного из моих товарищей в магазине одежды. Чем больше она знакомилась с нашим движением, тем более открыто и непредвзято начинала смотреть на происходящее. Я всегда опасался, что она вернётся в *Красный Фронт*, хотя сама она рассказывала, что там её постоянно унижали, относились к ней как к человеку второго сорта из-за того, что она была бездомной, и даже пытались склонить к проституции, от чего она категорически отказалась.

Те «сражения», в которых мы участвовали, не представляли собой ничего особенного. Скорее это были демонстрации, раздача пропагандистских материалов, иногда буквально бок о бок с членами *Красного Фронта*. До настоящих столкновений дело доходило очень редко.

Вы когда-нибудь были свидетелем или слышали о политических убийствах и покушениях?

Да. Лично я никогда не видел ничего подобного, но было хорошо известно, что в других городах борьба носила крайне ожесточённый характер и порой заканчивалась смертельным исходом. В каждом партийном отделении имелаась книга, посвящённая нашим мученикам. Если память мне не изменяет, в ней упоминались несколько сотен человек, убитых коммунистами, включая даже детей. Недалеко от нашего города одному товарищу подожгли дом зажигательной бомбой, в результате чего погибли его жена и сыновья. После окончания *Kampfzeit* (период борьбы до прихода НСДАП к власти) я встречал многих товарищей, которые рассказывали, как на них нападали с ножами, как в них бросали бутылки с зажигательной смесью, швыряли разбитые бутылки и даже экскременты. Благодаря военной дисциплине они чаще всего сохраняли строй и не поддавались на провокации.

Вы когда-нибудь встречались с Гитлером лично?

Да, несколько раз видел его на собраниях, парадах и на партийном съезде в Нюрнберге. Меня всегда впечатляло то, что несмотря на постоянные угрозы со стороны коммунистов, открыто призывавших к его убийству, он всегда появлялся на публике без видимого страха и держался чрезвычайно уверенно, словно был готов принять любой вызов. Однажды он пожал мне руку на собрании, где был главным оратором. Он поблагодарил нас за усердную работу и преданность. Затем похлопал меня по плечу и спросил, доволен ли я своей службой в СА. Несмотря на внутренние конфликты, мелкие распри и последующую чистку нелояльных руководителей, я рад, что принимал участие в пробуждении своей нации и своего народа.

Что привело Вас в Ваффен СС?

После выборов я получил хорошую должность служащего по грузоперевозкам, а к 1935 году экономика снова начала быстро развиваться. Я ушёл из СА, хотя оставался членом партии. К 1939 году я уже занимал руководящую должность и был женат. Женился я в 1937 году на очень красивой женщине, работавшей в местном партийном отделении. Мои отношения с прежней девушкой закончились неудачно. Она была слишком независимой и постоянно хотела путешествовать, тогда как моя работа не позволяла вести такой образ жизни. Поэтому мы расстались. Позднее она стала моделью в индустрии моды. На мой взгляд, она была хорошим примером того, как НСДАП могла изменить человека к лучшему. Однако в итоге я встретил гораздо более подходящую женщину, которая хотела быть хорошей женой и матерью.

В сентябре 1939 года, когда началась война, меня освободили от военной службы из-за возраста и занимаемой должности. Практически сразу наш город начал подвергаться воздушным налётам. Сначала самолёты сбрасывали листовки, а с мая 1940 года — уже бомбы. В 1943 году нам посчастливилось оказаться в отпуске, когда Гамбург подвергся массовой бомбардировке с применением зажигательных средств, унёсшей тысячи жизней. Наш дом был уничтожен, всё имущество погибло, а мои родители были убиты. К концу 1943 года стало очевидно, что война складывается неудачно. Газеты сообщали об одном поражении за другим, а под призыв попадали всё новые возрастные категории. Я понимал, что рано или поздно придёт и моя очередь, и хотел лично встретиться с врагом на поле боя. Я поговорил с женой и объяснил ей, что если меня мобилизуют, то я не смогу выбирать место службы. Поэтому я решил добровольно вступить в СС, поскольку это была

элитная организация и одновременно партийная структура. Я надеялся получить более благоприятное назначение. Я пришёл в вербовочный пункт, был принят и направлен в Дивизию *LAN*. К моему разочарованию меня определили в пехоту, хотя я считал, что принёс бы больше пользы в вербовочной службе или канцелярской работе. Однако выбора не было, и я отправился в пехоту. К середине 1944 года я полностью завершил подготовку и был направлен во 2-й Панцергренадерский Батальон Дивизии *LAN* в Бельгии.

Мы готовились к предстоящему вторжению союзников. Служба проходила недалеко от дома, питание было отличным, погода прекрасной. Я был вполне доволен. Местные жители относились к нам очень хорошо, а мы помогали им по хозяйству и на фермах, если это требовалось. Моя жена находилась неподалёку — мы перевезли её в Аахен, где она снова работала на партийной службе, поэтому я виделся с ней каждые выходные.

Вас отправили в Нормандию?

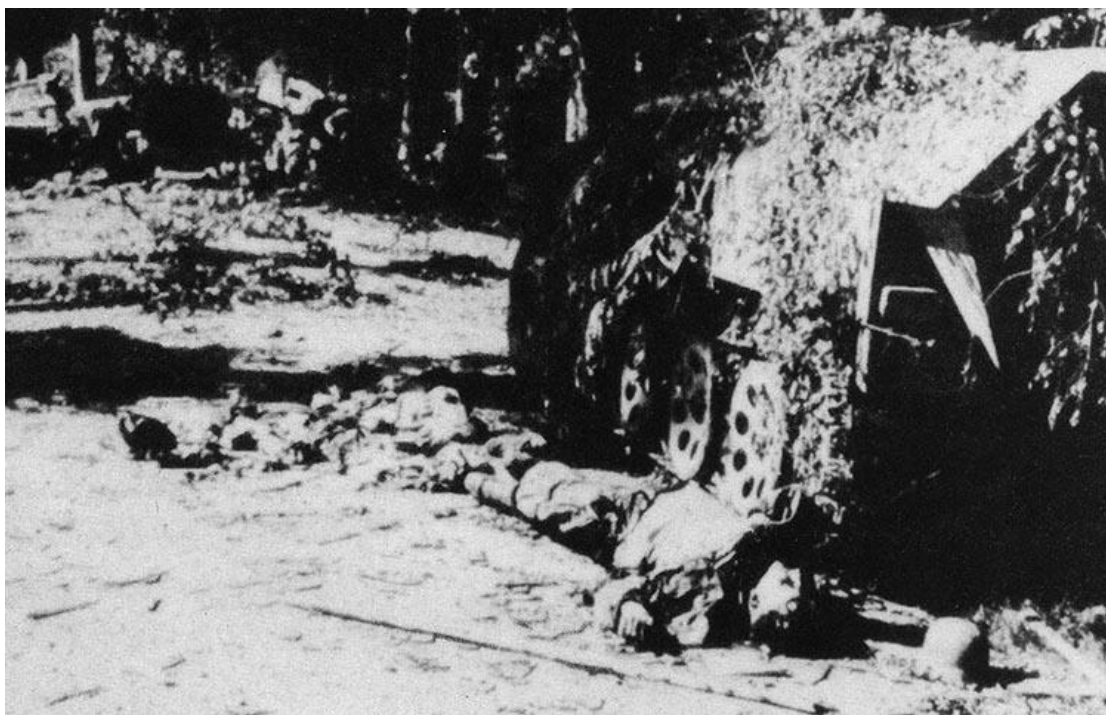
Да. В конце мая нас перевели в состояние повышенной боевой готовности и передислоцировали ближе к побережью. 6 июня было объявлено, что вторжение началось, и впервые я испытал настоящий страх. Мы постоянно видели в небе самолёты союзников, которым никто не мог противостоять. Товарищи рассказывали, что противник полностью контролирует воздух и обстреливает с бреющего полёта всё, что движется, включая гражданских лиц. Поэтому все были предельно осторожны и внимательны. Количество наших зенитных средств было увеличено вдвое, пока мы готовились к маршу. Путь к фронту занял, казалось, целую вечность. Союзники забрасывали агентов, сотрудничавших с движением *Сопротивления*. Те выводили из строя железные дороги, валили деревья на дороги и разрушали дамбы, затапливая пути продвижения. Нам постоянно приходилось останавливаться и расчищать себе дорогу. Однажды ночью мы захватили группу диверсантов,

которые проникли в наше расположение с намерением заложить взрывчатку. Их обнаружили часовые. Я видел, как к ним вышел бригадефюрер Виш (Theodor Peter Johann Wisch, 1907-1995, на фото слева) и начал с ними разговаривать. Наш командир приказал обращаться с ними как с комбатантами, что показалось мне странным, поскольку они были одеты в гражданскую одежду...

Дивизия *LAN* прибыла в Нормандию только в середине июня. К тому времени, по нашему мнению, сражение уже было фактически проиграно, поскольку союзники продвинулись на несколько километров вглубь территории. Многие в нашем подразделении были возмущены тем, что нас так долго не отправляли на передовую. Мы были уверены, что если бы оказались среди первых частей, встретивших противника, то смогли бы сбросить его обратно в море. Теперь же нам приходилось действовать под непрерывными ударами авиации, артиллерии и танков противника. Мы отступали, несли потери, но сохраняли решимость продолжать борьбу. Подготовка у меня была очень суровой и уделяла большое внимание выживанию в бою. Это действительно пригодилось. Британцы и канадцы неоднократно атаковали нас, но мы отбивали их атаки, затем сами переходили в контрнаступление, после чего вновь были вынуждены отходить под воздействием превосходящей огневой мощи и численного превосходства противника.

Преимущество союзников было поистине ошеломляющим. Даже пленные шутили, что вскоре окажутся на свободе благодаря неизбежной победе своих войск. Они прекрасно понимали, что нас буквально сокрушают их превосходящие нас во всем силы. Но мы продолжали сражаться, потому что были убеждены в своей правоте. Мы радовались, когда расчёт ближайшей зенитной батареи сбил истребитель *P-47*, буквально оторвав ему

двигатель. Пилот даже не успел выпрыгнуть с парашютом, потому что летел на небольшой высоте для штурмовки.

Нормандия, 1944. Разбомбленная немецкая колонна. Рядом с уничтоженным бронетранспортером лежит убитый унтер-офицер СС.

Меня поражало огромное количество танков, которые теряли союзники. Должно быть, соотношение уничтоженной техники составляло не менее двадцати к одному в нашу пользу, и всё же остановить их было невозможно. Союзники даже могли позволить себе роскошь время от времени использовать тяжёлые бомбардировщики для ковровых бомбардировок наших позиций. Во время одного из таких налётов я был ранен. Меня перевозили на дальний перевязочный пункт, когда группа британских солдат неожиданно устроила нам засаду, остановила наш грузовик и взяла нас в плен.

С учётом того, что я знаю сегодня, меня удивляет, что они тогда просто не расстреляли нас. Так что моя служба в дивизии *LAH* и участие в боях в Нормандии оказались недолгими. Всё это произошло в июле 1944 года. Поначалу обращались с нами плохо. Мне даже засунули в рот холодный ствол пистолета-пулемёта *Sten*, пока обыскивали карманы в поисках ценных вещей. При этом у меня украли обручальное кольцо. Когда я лежал на носилках, меня ударили ногой по голове, а о моём ранении никто не побеспокоился. Я был крайне возмущён, поскольку мне всегда говорили, что союзники отличаются гуманным отношением к пленным. После этого нас несколько дней держали под открытым небом, иногда даже под огнём нашей собственной артиллерии. Затем меня отправили в Англию. Там отношение постепенно стало лучше. Я даже встретил людей, искренне сочувствовавших нам и прилагавших большие усилия для ухода за пленными. Это произвело на меня сильное впечатление, и я был просто счастлив, что вообще остался жив.

Моей жене удалось покинуть Аахен до начала [сражения за город](#) и укрыться у своей двоюродной сестры. В конце концов британцы освободили меня в 1948 году, и мне было разрешено вернуться в Германию.

ИРВИН РОЭРС (IRWIN ROHERS)

обер-ефрейтор – 7-я Танковая Дивизия

Интервью взято в октябре 1987 года

Чем привлекли Вас танковые войска?

Наши танки были значительным шагом вперёд по сравнению с громоздкими машинами времён ПМВ, которые лишь в определённой степени помогали прорывать оборону противника. Наши военачальники развили идею использования бронетехники для глубокого проникновения в оборону врага и разрушения его боевых порядков. Меня впечатляли чёрная форма танкистов и традиции гусарской кавалерии, которые, как считалось, были характерны для танковых войск.

В Германии 1930-х годов работы было достаточно, и существовало множество хорошо оплачиваемых профессий. В 1935 году был восстановлен Вермахт, и для всех молодых людей стала обязательной двухлетняя воинская служба. Сначала я проходил службу в *RAD* (*Reichsarbeitsdienst* — [Имперская Служба Труда](#)), занимаясь очисткой пляжей на севере Германии. В 1939 году я добровольно поступил в танковые войска и был направлен во [2-ю Лёгкую Дивизию](#), которая впоследствии была преобразована в 7-ю Танковую Дивизию. После [Польской кампании](#) я служил в 25-м Танковом Полку под командованием полковника [Карла Ротенбурга](#) (Karl Rothenburg). Обучение я проходил на танках *Pz.II* и *Panzer 38(t)*.

Каким было начало войны?

Война никогда не бывает лёгким испытанием, особенно для нации, которая уже понесла столь огромные потери в ПМВ. У многих из нас было ощущение, что рано или поздно что-то должно произойти. Гитлер ясно дал понять всему народу, что территории, утраченные в результате [Версальского договора](#), должны быть возвращены в состав Рейха. Он был твёрдо привержен этой цели, как и значительная часть населения. Мы слышали рассказы о тяжёлом положении немцев, которые после войны оказались национальными меньшинствами на землях, ранее принадлежавших Германии. Став меньшинством, они оказались во власти новых хозяев, некоторые из которых относились к немцам весьма жестоко. Что касается Польши, то наши отношения с ней были напряжёнными на протяжении многих столетий. Большинство людей не знает, что после Первой мировой войны Польша сама выступила против Германии, стремясь захватить ещё больше земель, чем ей было предоставлено союзниками. Наши подразделения [Фрайкора](#) остановили поляков и коммунистов, которые, по нашему мнению, пытались разрушить молодую Веймарскую республику. Германия пыталась урегулировать проблему так называемого [Польского коридора](#) путём переговоров с Польшей, однако, как мы считали, из-за вмешательства Англии все наши предложения были отвергнуты. В 1938 и 1939 годах мы внимательно следили за сообщениями о пограничных инцидентах с участием польских граждан. Некоторые из этих случаев сопровождались насилием и даже убийствами немецких граждан. Поэтому объявление войны стало для нас печальным событием, но не было неожиданностью. Настоящим сюрпризом стало то, что западные союзники объявили войну нам, а не Советскому Союзу.

Вы участвовали в боях в Польше?

Да. В 1939 году я завершил подготовку в качестве наводчика, и в самом начале боевых действий наш полк был отправлен в Польшу. С самого начала нам приходилось сталкиваться с превосходящими нас в численности польскими войсками, поскольку Польша уже несколько месяцев готовилась к войне. Мы понесли серьёзные потери, поскольку были молодыми и неопытными солдатами. Однако, в итоге, нам удалось добиться успеха во многом благодаря поддержке самолетов *Люфтваффе*: они уничтожали артиллерийские позиции, которые доставляли нам множество проблем.

Адельберт Шульц (Adelbert Schulz), командир 25-го Танкового Полка — главной ударной силы 7-й Танковой Дивизии, рядом с танком Pz.III, июнь 1943 года.

Я увидел своих первых военнопленных и был поражён тем, насколько свободно с ними обращались. Одному польскому генералу даже разрешили ехать верхом вместе со своими людьми в тыл наших войск. Со стороны они вовсе не выглядели побеждёнными или пленными. В это же время начали распространяться слухи о том, что польские солдаты убивали немецких гражданских лиц, что раненых немецких военнослужащих калечили, а экипажи самолетов *Люфтваффе* убивали после того, как они сдавались в плен. Поэтому нам было приказано брать пленных и допрашивать их, чтобы получить дополнительную информацию об этих происшествиях.

Танки Pz.II в Польше, 1939 год

Примерно через две недели после начала войны мы столкнулись с польским танковым полком, имевшим более мощные танки, чем наши. Однако наша подготовка оказалась лучше. Благодаря тому, что мы могли поддерживать связь между машинами по радио, а также при поддержке пикирующих бомбардировщиков *Stuka*, нам удалось разгромить

противника. Помню, как после боя я осматривал подбитые польские танки и удивлялся тому, насколько толще была их броня по сравнению с нашими *Pz.I*, *Pz.II* и *38(t)*.

Какое впечатление на Вас произвёл польский солдат?

Это трудно объяснить. Наши страны давно находились не в лучших отношениях. Поляки считали, что мы многим обязаны им как бывшим подданным, а мы воспринимали их как высокомерных и склонных к притеснениям людей. Моё первое впечатление было скорее отрицательным. Но такова была жизнь в Европе: народы были близки друг другу, однако постоянно находили новые способы создавать барьеры и порождать взаимную ненависть. Когда появились первые пленные, они выглядели несчастными и грязными. При этом у них было много провианта, и вскоре мы начали обмениваться с ними различными продуктами. Вообще, наши колонны снабжения иногда отставали на день или больше, поэтому мы часто оставались голодными. Один польский солдат, говоривший на ломаном немецком языке, отдал мне колбасу и хлеб за несколько листов бумаги для писем. Он рассказал, что познакомился в Варшаве с очень красивой девушкой и хочет написать ей письмо. Мы присели отдохнуть вместе с этой группой пленных и прекрасно общались с ними. Один из поляков пошутил, что всё-таки направляется в Берлин, хотя и не совсем тем способом, каким рассчитывал. Большинство польских солдат были мобилизованными и не стремились продолжать войну. Мы неоднократно встречали группы дезертиров, которые просто пытались вернуться домой.

Подбитый польский танк, 1939 год

Один неприятный случай произошёл, когда какой-то грузовик неожиданно въехал в наши ряды. Мы решили, что это либо наша машина, либо транспорт с пленными, но тут из кузова вышел [польский] сержант, выкрикнул несколько команд, после чего остальные солдаты прыгнули с грузовика на землю и открыли по нам огонь. Мы оказались совершенно не готовы к этому и понесли потери. Однако наш ответ был беспощадным: как только мы пришли в себя, всех нападавших уничтожили. Сержант был тяжело ранен, но мы были настолько возмущены его поступком и тем, что он повёл своих людей на такую, как нам казалось, коварную атаку, что просто оставили его умирать.

Как вели себя польские мирные жители?

Они удивили меня. С самого первого дня мы встречали людей, которые выходили нам навстречу, приветствовали нас и называли освободителями. В основном это были этнические немцы, поэтому подобное отношение было вполне ожидаемым. По мере продвижения вглубь страны даже поляки выходили посмотреть на нас. Они приносили еду и воду. Многие хотели выменять у нас сигареты и шоколад на яйца, мясо и молоко. Польская армия реквизировала большое количество домашнего скота, и многие крестьяне просили нас помочь вернуть животных, если мы их обнаружим. Позже подразделения тыловой охраны действительно помогали людям находить утраченное имущество.

Однако не всё было спокойно. Имели место случаи нападения гражданских лиц на немецких военнослужащих. После поимки такие люди подвергались суду и казни за преступления против Вермахта. Помню один подобный случай. Наш разведывательный отряд входил в небольшой городок, когда по нему открыл огонь человек, спрятавшийся на дереве. По нему немедленно открыли огонь из пулемёта *MG 34*, который сделал свое дело. Когда подразделение вошло в город, бургомистр потребовал объяснить, почему этого человека убили, а не взяли в плен. После этого наш командир приказал изготовить листовки, предупреждавшие население, что любые нападения на немецких солдат или гражданских лиц будут рассматриваться как нарушение законов войны, а виновные будут преданы суду и казнены. После распространения этих листовок случаев саботажа и нападений больше не происходило.

Польша капитулировала, и нам казалось, что наша короткая война закончилась. Когда Советский Союз занял часть Польши, многие из нас задавались вопросом, почему Англия не объявила войну и ему. Это заставляло нас думать, что англичане просто хотели свести старые счёты именно с Германией, а Польшу лишь использовали как повод. В течение нескольких недель мы выполняли оккупационные обязанности, проводили смотры подразделений и ремонтировали технику. Мы также помогали местным жителям восстанавливать разрушенное. Небольшой город, где квартировалось наше подразделение, получил повреждения во время боёв, и мы участвовали в восстановлении некоторых домов. Нашим инженерным подразделениям работы хватало. Затем нас отправили обратно в Германию для реорганизации в 7-ю Танковую Дивизию и перевооружения на новые танки *Pz.II* и *Pz.III*.

Мы приобрели бóльшую уверенность в себе, однако всё ещё испытывали тревогу из-за ситуации на Западном фронте. Новости о том, что французы перешли границу и заняли часть территории Рейха, отнюдь не улучшали наше настроение.

Фотография танка Pz.38 Ausf. S из состава 7-й Танковой Дивизии, сделанная после войны в Мюнстере

Что произошло дальше?

Мы прошли реорганизацию в Германии, освоили новые танки и начали готовиться к боевым действиям против французов. Фюрер неоднократно предлагал союзникам мирное урегулирование, однако все эти предложения были отвергнуты. Из газет мы узнавали, что Англия рассматривает нас как завоевателей и агрессоров, терроризирующих Европу. Нам казалось ироничным, что страна, создавшая свою империю посредством колонизации и насилия по всему миру, обвиняет в этом нас. Меня по-прежнему беспокоил тот факт, что Англия объявила войну Германии, но не Советскому Союзу за его вторжение в Польшу. С точки зрения многих из нас это выглядело как двойной стандарт.

10 мая [1940 года] мы находились в состав первой волны войск, начавших наступление на Францию и стремительное продвижение к Маасу. Мы были уверены в себе, но одновременно смертельно напуганы. Нам предстояло атаковать две крупнейшие армии мира. Несмотря на то, что, как нам казалось, мы уступали в численности десять к одному, нас не покидало тревожное чувство, что противник вполне способен отбросить наши небольшие силы обратно до самого Берлина. Нашей дивизией командовал тогда мало кому известный генерал по фамилии [Роммель](#) (Erwin Rommel), и я сразу заметил, что он предпочитает руководить войсками непосредственно на передовой. Первое серьёзное столкновение с французскими танками произошло [в районе Арраса](#). К бою присоединились и британские части. Поначалу нас теснили, поскольку противник обладал значительным численным превосходством, а наши противотанковые орудия оказались малоэффективны против более мощных союзнических танков. И тут вмешался Роммель. Он приказал развернуть тяжёлые 88-мм зенитные орудия и использовать их в качестве противотанковых средств. Союзнические танки были остановлены и понесли тяжёлые потери. Мы захватили первых британских пленных. Они выглядели ошеломлёнными и потрясёнными. Тем не менее они всё ещё были уверены, что события 1918 года повторятся и в 1940-м.

Роммель (в центре) со своими старшими офицерами. Франция, 1940

После этого боя союзники показались нам сломленными и деморализованными. [Удар через Арденны](#) стал для них полной неожиданностью, поскольку основные силы их армий находились значительно севернее. Фюрер позволил своим генералам разработать действительно выдающийся план операции. Вскоре после нашей победы мы теснили союзников к побережью. Казалось, что [мы окончательно загнали противника в ловушку](#) и

вот-вот уничтожим или пленим основную часть Британского Экспедиционного Корпуса. Однако именно в этот момент нас неожиданно остановили. Никто не понимал почему. Противник был фактически разбит, и мы были готовы нанести завершающий удар. Сегодня утверждают, что наступление было остановлено потому, что *Фюрер* опасался чрезмерного растягивания фронта и проблем со снабжением. По моему мнению, это не соответствует действительности. Наши фланги были усилены, система снабжения после Польской кампании значительно улучшилась, а топлива и боеприпасов было вполне достаточно. Этот приказ вызвал среди нас раздражение и недоумение. Даже *Люфтваффе* получило приказ прекратить атаки на район Дюнкерка. Ходили слухи, что некоторые лётчики *Люфтваффе* нарушали приказ и всё равно атаковали пляжи, оправдываясь тем, что преследуют союзнические истребители. На тот момент мы полностью контролировали как воздух, так и сушу. Вместо продолжения наступления нам было приказано помогать французским беженцам и взаимодействовать с прибывающим персоналом Красного Креста. Как и прежде, мы участвовали в восстановлении того, что сами же частично разрушили в ходе боевых действий. Вскоре стало известно, что Британскому Экспедиционному Корпусу и части французских войск удалось эвакуироваться в Англию. Для нас это стало тяжёлым разочарованием, поскольку, как нам казалось, мы находились буквально в шаге от полного их пленения. Теперь известно, что наше правительство через нейтральные государства предпринимало отчаянные попытки добиться окончания войны. Я считаю, что *Фюрер* остановил нас именно для того, чтобы позволить союзникам эвакуироваться и тем самым показать серьёзность наших мирных намерений. Союзники утверждали, что нам нельзя доверять, что мы действуем коварно и нарушаем договоры. Поэтому, с моей точки зрения, трудно было придумать лучший способ продемонстрировать желание закончить войну, чем позволить их армии вернуться домой. Поскольку победителями в итоге оказались они, им легко представить всё так, будто мы были некомпетентны, а наше руководство принимало ошибочные решения. Меня всегда забавляет, когда англичане изображают *Фюрера* плохим полководцем из-за того, что он позволил им уйти из Дюнкерка. На мой взгляд, он просто проявил гуманность. Если бы мы уничтожили окружённые войска под Дюнкерком, сегодня те же самые люди говорили бы о нашей жестокости.

Вы когда-нибудь лично встречались с генералом Роммелем?

Да, постоянно. Казалось, он был повсюду рядом с нами. Одно из того, что, на мой взгляд, дал национал-социализм, заключалось в том, что он заставил людей почувствовать себя равными. Он разрушил старое аристократическое представление о том, что деньги определяют человека и его положение в обществе. Национал-социализм утверждал, что все люди рождаются равными и должны оцениваться по своему вкладу в благополучие народа. Роммель был воплощением этого принципа. Он ел вместе с нами, спал в тех же условиях, что и мы, и многих солдат знал по именам. Лучше всего мне запомнился случай, когда меня произвели в ефрейторы. Мы стояли в строю на церемонии награждения. Я плохо себя чувствовал и, вероятно, выглядел соответствующим образом. Роммель подошёл ко мне. Я вытянулся по стойке смирно, отдал честь и тут же потерял сознание. Позже мне рассказали, что он распорядился немедленно отправить меня в госпиталь и даже приказал дать мне какую-то специальную лечебную минеральную воду. Позже он сам приехал навестить меня в госпитале и лично вручил мне *Железный Крест 2-го класса* за бои под Аррасом. Он довольно долго беседовал со мной и сказал, что организует мне отпуск домой для восстановления здоровья. Он произвёл на меня исключительно хорошее впечатление. К сожалению, вскоре он покинул нашу дивизию и отправился служить в Африку, поэтому больше я его никогда не видел.

Были ли Вы свидетелем военных преступлений во Франции?

Со стороны нашего подразделения — нет. Возможно, это покажется вам странным, поскольку, как я понимаю, вас учили, что мы опустошали всю Европу. Но я видел ситуацию

иначе. По моему мнению, союзники во Франции иногда расстреливали собственных гражданских лиц, если подозревали их в симпатиях к нам. Было немало французов, которые приветствовали нас и восхищались Германией. Я не хочу сказать, что большинство французов нас любили — это было бы неправдой. Большинство не любило, но некоторые действительно относились к нам доброжелательно, и если это становилось известно окружающим, им приходилось дорого за это платить. Особенно часто обвинялись в нарушении законов войны, по моим наблюдениям, африканские солдаты французской армии. В районах, где они находились, среди мирного населения ходило много жалоб на мародёрство, изнасилования и убийства. Когда таких военнослужащих брали в плен, их старались тщательно допрашивать, чтобы выяснить возможную причастность к подобным преступлениям. Мы также слышали слухи о том, что англичане использовали инвертированные пули, чтобы наносить более тяжёлые ранения, однако лично я такого никогда не видел. На этом мои знания о военных преступлениях заканчиваются.

Французы и англичане иногда действовали так, что это находилось на грани нарушения законов войны, но мне они никогда не казались жестокими людьми или садистами. Совсем иначе всё выглядело на Восточном фронте. Британские пленные, которых я встречал во Франции, казались мне обычными, хорошими парнями, которых, как и нас, отправили воевать в войне, по отношению к которой они не испытывали особого энтузиазма.

Какое впечатление на Вас производили войска Ваффен СС?

Они всегда производили на меня сильное впечатление. Не раз именно они выручали нас в трудных ситуациях. При этом использовали их не совсем так, как первоначально предполагалось. Чаще всего части СС распределялись между армейскими группировками и выполняли роль своеобразной «пожарной команды» — их перебрасывали на наиболее опасные участки фронта для стабилизации обстановки. Будучи танкистом, я всегда считал наши войска элитой, так же как и части СС. Некоторые мои товарищи ещё до войны служили в СС, а затем были призваны в армию. Во Франции мы воевали рядом с дивизией *Totenkopf*, и лично мне нечего сказать о них плохого. Их учили упорно сражаться и проявлять мужество, и это было заметно.

А как насчёт всех тех зверств, в которых обвиняют СС?

Для меня подобные обвинения ничего не значат. Есть старая поговорка: *«Историю войны пишет победитель»*, и ВМВ, на мой взгляд, является ярким подтверждением этого. Я прожил шесть лет войны и ещё много лет после неё, и могу с чистой совестью сказать, что никогда не видел, чтобы наши солдаты сознательно причиняли вред невинным людям. Сегодня германскую армию обвиняют в тех же преступлениях, что и СС: убийствах мирных жителей, расстрелах евреев, грабежах, поджогах целых деревень и бессмысленной жестокости. Получается, что теперь мы все оказались в одной лодке. У меня было двое школьных товарищей, вступивших в *Ваффен СС* - они так и не вернулись домой. На мой взгляд, они честно служили своей стране так же, как и я.

Я смотрел фильмы, читал книги и слушал рассказы очевидцев. Но всё это, как мне кажется, представляет лишь одну сторону событий, тогда как другой стороне не дают возможности высказаться. Эта война была войной, в которую активно вовлекалось гражданское население — либо участвуя непосредственно в боевых действиях, либо помогая движению сопротивления. С точки зрения немецких военных того времени это было незаконным. Когда мы сталкивались с такими случаями, приходилось действовать жёстко. Кому-то это может показаться столь же дурным делом, как и сами действия партизан, но многие из нас видели последствия подобных актов сопротивления собственными глазами.

Мы воевали по всей Европе среди множества различных народов, каждый из которых преследовал собственные цели и интересы. Балканы, например, после нашего продвижения дальше превратились в настоящий осиный рой. У меня был знакомый по

Имперской Службе Труда, которому пришлось заниматься последствиями крушения поезда в Сербии. Поезд с солдатами, возвращавшимися из Греции, сошёл с рельсов после подрыва моста коммунистическими партизанами. Погибли все находившиеся в нем: мужчины, женщины и дети. По этой причине наши службы безопасности, действовавшие совместно с хорватскими властями, крайне серьёзно относились к поиску виновных. Любой, кто помогал этим группам, рассматривался как противник. С подобными явлениями немецкие войска сталкивались по всей Европе. Поэтому, когда вы слышите рассказы о том, что мы якобы делали с мирными жителями, знайте: существуют и другие обстоятельства, о которых обычно не рассказывают. На мой взгляд, солдаты *Ваффен СС* были превосходными бойцами, так же как и их товарищи из Вермахта. Между нами существовало дружеское соперничество, похожее на отношения между морской пехотой и сухопутными войсками, однако мы уважали друг друга. После войны им пришлось заплатить гораздо более высокую цену, поскольку победители объявили их преступниками.

Вы служили на Восточном фронте. Что он из себя представлял?

7-я Танковая Дивизия участвовала в этой кампании с самого первого дня, и я прекрасно это помню. Мы поняли, что нам предстоит война с Советским Союзом, как только нас перебросили на восток, в Польшу. Во время подготовки нас обучали борьбе с танками *T-26*, которые имели сравнительно слабую броню примерно как наш *38(t)*. Мы понимали, что нам предстоит столкнуться с огромной страной и колоссальными человеческими ресурсами, однако уверенности у нас было гораздо больше, чем раньше. Мы уже победили Францию и разгромили Великобританию на континенте, хотя противник превосходил нас численно...

Для меня 22 июня началось очень рано утром. Мы слышали глухой грохот, похожий на раскаты грома — это работала наша артиллерия. Затем поступил приказ занять места в танках и приготовиться к маршу. Наш командир сообщил нам, что Советский Союз якобы готовил нападение на Рейх, поэтому мы должны были нанести удар первыми и застать противника врасплох. На рассвете мы двинулись вперёд — навстречу неизвестности. Первое время русских войск практически не было видно. Всё напоминало мирный парад. По обочинам дорог мы видели брошенные грузовики, автомобили, тракторы, убитых животных и отдельных погибших солдат, но организованного сопротивления не встречали. Поляки выходили нам навстречу как к освободителям и приносили воду. Но едва я успел подумать, что эта кампания окажется лёгкой, как мы подверглись мощной советской атаке. Снова повторилась уже знакомая картина: советские танки превосходили нас числом и вооружением. Нашими преимуществами оставались поддержка авиации и наличие радиосвязи.

Я служил на танке *38(t)*, который вполне мог бороться с *T-26*. Моё первое столкновение с *T-26* едва не закончилось катастрофой. Мы вели бой против целой советской танковой роты. Мой танк оторвался от своей роты и неожиданно оказался лицом к лицу с четырьмя *T-26*. Они заметили нас первыми и открыли огонь. До сих пор не могу объяснить, как им удалось промахнуться: расстояние составляло всего около 175 метров. Я навёл орудие на первый танк и выстрелил, подбив его. Затем повернул башню, дождался подачи следующего снаряда и снова открыл огонь. Второй танк взорвался ярким огненным шаром. Очередной снаряд был заряжен. Я захватил следующую цель. От волнения меня буквально трясло, всё тело было покрыто потом. Я выстрелил и добился прямого попадания - экипаж выскочил из машины и бросился бежать. Последний танк также был поражен и выведен из строя. Но едва мы расправились с этими машинами, как появился ещё один советский танк и открыл огонь. Снаряд попал в моторное отделение нашего танка, и мы были обездвижены. Мне удалось повернуть башню, прицелиться и сделать ответный выстрел. Машина противника был подбит, а мы избежали гибели. Вскоре подошла помощь — наша «потерявшаяся» рота. Она прикрыла наши фланги и отбила атаки советской пехоты. После этого нас отбуксировали в ремонтную зону для восстановления танка. Пока его

ремонтировали, впереди слышались звуки очень ожесточённого боя. Теперь русские, казалось, были повсюду...

По мере продвижения вглубь страны меня поражало огромное количество людей и техники, с которыми мы сталкивались. Мы видели бесконечные колонны пленных и буквально сотни армейских складов, заполненных различным имуществом. После войны Сталин утверждал, что наше вторжение застало его врасплох, поскольку между странами существовал договор о ненападении. Мне трудно в это поверить. То, что мы видели собственными глазами, выглядело как огромная армия, снабжаемая для крупного наступления. Мы застали этот гигантский военный механизм врасплох и стремительным ударом сумели нарушить его планы. Следующие месяцы были заполнены быстрым продвижением вперёд, захватом пленных, танковыми боями и победами. Постепенно у нас появилось ощущение, что нас невозможно остановить. Русские превосходили нас численностью, но, как нам казалось, в каждом бою мы брали верх. Это было нелегко, но мы справлялись.

Какое впечатление на Вас произвели русские солдаты?

Моё мнение о них очень неоднозначно. Среди них встречались люди, выглядевшие так, словно вышли из самых глубин ада, а были и такие, которые могли бы сойти за моего родного брата. Нам было приказано привлекать из числа военнопленных добровольных помощников, готовых работать на нас. Взамен они избегали отправки в лагеря военнопленных и оставались работать в тылу. Таких помощников называли *Hiwi (Hilfswillige)*. У нас было несколько таких помощников. Одной из них оказалась молодая девушка, захваченная вместе с большой группой пленных. По внешности она была похожа на украинку. Когда я пытался разговаривать с ней, мне казалось, что она искренне ненавидит коммунизм. Многие солдаты нашей роты пытались за ней приударить, однако командир категорически запретил любые ухаживания. Выполнять этот приказ было непросто, поскольку девушка была очень дружелюбной и кокетливой. Кроме того, она оказалась превосходным поваром и вскоре стала любимицей наших кухонных работников.

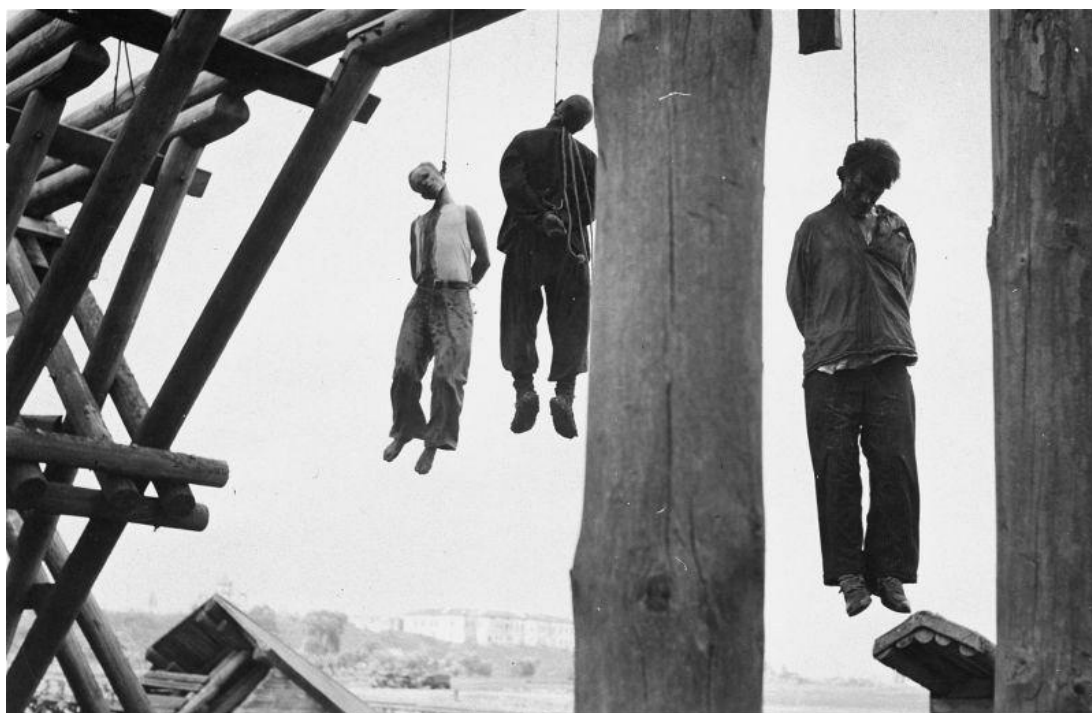
Немецкие солдаты в одной из русских деревень

Другие советские военнослужащие, с которыми мы сталкивались, производили куда менее приятное впечатление. Особенно это касалось комиссаров, попадавших к нам в плен. Часто говорилось, что среди них было много евреев, и я могу сказать лишь то, что лично был этому свидетелем. Комиссары были политическими офицерами, следившими за дисциплиной и выполнением приказов. Считалось, что они обладали очень широкими

полномочиями и могли применять суровые меры к военнослужащим. Среди наших союзников и в войсках ходило множество рассказов, представлявших комиссаров жестокими людьми и трусами, поэтому они подвергались особенно тщательным допросам со стороны разведки и полиции. Если их подозревали в причастности к преступлениям против военнослужащих или гражданского населения, последствия для них были крайне тяжёлыми. Высокопоставленных комиссаров иногда отправляли в Германию для дальнейших допросов службами безопасности.

Мы входили в некоторые польские и советские населённые пункты, где, как нам рассказывали местные жители, сотрудники НКВД убивали гражданских лиц или отступающих красноармейцев. Позже мы узнали, что многие из них были казнены за отказ отступать или за то, что отходили слишком медленно. Политических заключённых, по рассказам очевидцев, также нередко расстреливали при отступлении. После ухода советских властей местное население иногда само начинало расправляться с теми, кого считало пособниками прежнего режима. В одном небольшом городе мы увидели площадь, где были убиты люди, которых местные жители обвиняли в сотрудничестве с НКВД. Мэр города заявил нашему генералу, что именно эти люди способствовали арестам и гибели многих жителей. Тяжело было видеть целые семьи, погибшие таким образом. Но одновременно мы видели и другие семьи, которые, по словам местных жителей, сами ранее пострадали от действий советской власти. Ненависть порождала новую ненависть.

Во время войны на Востоке я также неоднократно видел, как партизан казнили через повешение за нападения на наши войска и наших союзников. Публичные казни использовались как средство устрашения, чтобы показать населению серьёзность последствий подобных действий. Однако это имело и обратный эффект. Для многих местных жителей такие казни выглядели просто как убийство их сограждан, что усиливало враждебное отношение к нам. Мы считали, что население зачастую не понимало законов войны так, как понимали их мы. В целом мы старались относиться к советским солдатам и гражданским лицам уважительно и корректно, и во многих случаях это действительно удавалось, и поэтому в фотоальбомах многих немецких солдат можно увидеть снимки, где они запечатлены вместе с местными жителями в дружеской обстановке. Особенно часто солдаты вспоминали красоту украинских девушек. Между некоторыми военнослужащими и местными женщинами завязывались отношения, продолжавшиеся до конца войны.

Советские партизаны, повешенные на мосту под Оршей

Я также помню, насколько хитрыми бывали некоторые русские солдаты. Они инсценировали сдачу в плен, притворялись мёртвыми, а затем открывали огонь, когда наша бдительность ослабевала. Некоторые из них были весьма жестоки, и, как мы считали, в значительной степени это происходило под влиянием комиссаров. По нашим сведениям, они расстреливали раненых, нападали на госпитали и санитарные машины. Партизаны совершали атаки и на санитарные поезда. Уже в первые дни войны мы видели или слышали многочисленные рассказы о подобных случаях. Нам казалось, что для такой жестокости не было причин, поскольку мы считали себя профессиональными солдатами и даже испытывали сочувствие ко многим из этих людей, принимая во внимание те тяжёлые условия, в которых им приходилось жить ранее. Меня всегда поражало, насколько упорно они сражались, учитывая, что многие раньше жили в бедности и лишениях. Для меня единственным объяснением этому была сила пропаганды. Им внушали, что мы являемся жестокими чудовищами, пришедшими убивать и насиловать. Однако, как мне тогда казалось, ирония заключалась в том, что именно их пропагандист [Илья Эренбург](#) призывал их становиться убийцами и насильниками, и, по моему мнению, именно это впоследствии произошло по всей Восточной Европе.

Приходилось ли Вам сражаться в экипажах танков Тигр?

Нет. Боюсь, самым крупным танком, на котором мне довелось служить, был *Pz.IV* с длинноствольной пушкой, и он более чем успешно справлялся с уничтожением любых танков союзников. Я очень полюбил эту машину: у неё была хорошая броня, а обслуживание и ремонт не представляли особых трудностей. Внутри было довольно тесно, поскольку мы хранили все свои личные вещи либо внутри танка, либо на его корпусе. Чаще всего танк был нашим домом, поэтому мы старались содержать его настолько чистым, насколько это было возможно. На этой машине наш экипаж уничтожил в общей сложности двадцать единиц вражеской техники, прежде чем сам был подбит в конце 1944 года. Тогда мы находились в районе бывшей польской границы и выполняли роль арьергарда, сдерживая наступление советских войск. Дело было так. Наш механик-водитель отправился осмотреть окрестности. Мы сидели внутри танка, пытаясь согреться и немного поспать. Внезапно мы услышали его крик, донесшийся издалека: он предупреждал, что приближаются танки. Мы немедленно запустили двигатель нашей старой машины, но едва водитель успел забраться внутрь танка на свое место, как в нас попал первый снаряд, повредив ведущую звёздочку. Следующее попадание пришлось в трансмиссию, после чего из танка повалил дым. Командир приказал покинуть машину и отходить к своим позициям. Мы едва успели добраться до них, прежде чем вновь пришлось отступать. В конце концов мы нашли свою часть, однако танка у нас больше не было, поэтому до самого конца войны нас использовали как обычную пехоту, что нам крайне не нравилось. Я слышал, что *Пантеры* и *Тигры* были очень сложными в эксплуатации и обслуживании машинами, поэтому в каком-то смысле даже рад, что мне не довелось служить на них.

Каким был конец войны?

С 1944 года и до самого конца мы практически непрерывно находились в боях. Мы сражались в Польше, Восточной Пруссии и затем отступали через территорию Рейха. Это было чрезвычайно тяжёлое время. Мы значительно уступали противнику в численности и постоянно испытывали нехватку людей. В Восточной Пруссии мы оказались отрезанными вместе с тысячами гражданских беженцев, спасавшихся от наступающих советских войск. Корабли эвакуировали нас в Германию, однако всю технику пришлось оставить. К марту 1945 года мы уже понимали, что конец близок и что без какого-либо чуда война будет проиграна. Теперь наши мысли были заняты не победой, а спасением как можно большего числа людей. Приоритетом стали старики, женщины и дети. Мы делали всё возможное, чтобы обеспечить их пищей и убежищем. Инфраструктура Рейха была практически

полностью разрушена: не хватало газа, воды, электричества и медикаментов. Люди умирали даже от незначительных ранений и обычных болезней. Помню, как видел большое судно, заполненное узниками лагерей, которых перевозили обратно на территорию Германии. Мне это показалось странным, поскольку я считал, что от этих людей власти хотели избавиться. После войны я узнал, что [британская авиация атаковала этот корабль](#) и потопила его, что привело к огромным человеческим жертвам. Когда мы высадились в Германии, нас снова свели в боевые подразделения. Но у нас уже не было танков, не хватало продовольствия, и никакой надежды почти не осталось. Перед глазами была страна, переполненная измученными беженцами. Наши политические руководители пытались помочь нуждающимся, но союзная авиация продолжала бомбить и обстреливать всё, что двигалось. Я видел колонну беженцев, подвергшуюся атаке американских истребителей. Многие были убиты и ранены без всякой причины. Некоторые из погибших даже не были немцами. Военной техники в колонне не было. Мне казалось, что пилоты просто атаковали всё, что двигалось.

Мы добрались до Шверина, где один из партийных руководителей сообщил нам, что в город входят британские войска. Чтобы избежать дальнейших разрушений и жертв среди населения, он намеревался капитулировать. Многие из нас всё ещё хотели продолжать борьбу. Однако у нас не было средств для противодействия британским танкам. Даже находившееся поблизости подразделение *Ваффен СС* практически полностью лишилось противотанкового вооружения. Удалось найти всего пять *панцерфаустов*. Тем временем город всё больше заполнялся беженцами с востока. В итоге было принято решение капитулировать, чтобы не превращать город, переполненный гражданским населением, в поле боя. Для нас война наконец закончилась. Наш командир отправил парламентёров под белым флагом для переговоров о капитуляции. Когда британцы вошли в город, меня поразило огромное количество техники и материальных средств, которыми они располагали. Я удивлялся, как мы вообще смогли продержаться так долго, если даже наш, как нам казалось, самый слабый противник обладал такими ресурсами. Мне было интересно представить, какими возможностями обладали американцы. Первые британские солдаты, с которыми мы столкнулись, были весьма суровы. Они кричали, толкали людей, срывали знаки различия и под угрозой оружия забирали личные вещи. Я был потрясён. Наш лейтенант попытался протестовать, но в ответ получил удар прикладом от изрыгающего ругань британского солдата. Это были совсем не те британцы, которых мы встречали во Франции в начале войны. Мне показалось, что пять лет войны и пропаганды ожесточили их. Позднее нас вывели из города и посадили в грузовики, где уже находились гораздо более доброжелательные военнослужащие. Они, вероятно, понимали, через что мы прошли, и старались накормить нас. Наш лейтенант пожаловался британским офицерам на предыдущее обращение. Те пообещали провести расследование и наказать всех, кто нарушил законы войны. После этого одному из наших солдат даже вернули обручальное кольцо. Затем нас разделили и отправили в лагеря военнопленных. Мы не понимали этого решения. С нашей точки зрения война уже закончилась, и нас должны были просто отпустить домой. Меня удерживали в плену до декабря 1945 года.

Я считаю себя счастливым: мне удалось выжить и вернуться домой, тогда как многие другие этого так и не смогли сделать. Я не мог осознать масштаб разрушений, которые увидел в Германии после возвращения. Почти каждый город и каждый населённый пункт были серьёзно повреждены. На восстановление требовались десятилетия, и всё же мы подняли страну из руин. Мы были обязаны сделать это ради бесчисленных товарищей, погибших на войне, чтобы у их потомков было будущее — пусть даже это будущее находилось под контролем победителей, которые принесли Германии столь масштабные разрушения.

КАРЛ-ХАЙНЦ ОЙЛИНГ (KARL-HEINZ EULING) КАВАЛЕР РЫЦАРСКОГО КРЕСТА - ДИВИЗИИ ВАФФЕН СС *TOTENKOPF* И *FRUNDSBERG*

Интервью взято в 1999 году

Господин Ойлинг, что побудило Вас вступить в Ваффен СС и как проходила ваша подготовка?

Мне было десять лет, когда я начал интересоваться политической ситуацией в Германии. Избежать этого было невозможно, поскольку в нашей семье постоянно обсуждали направление, в котором двигалась страна. Коммунисты предпринимали активные попытки превратить Германию в сателлита России, что вызывало беспокойство у большинства людей. Мне не составляло труда понять, кто, по моему мнению, был прав, а кто неправ в тогдашней политической борьбе. Я вступил в *Гитлерюгенд* и больше никогда не сомневался в своём выборе.

В 1938 году я закончил учёбу, вступил в НСДАП в качестве сторонника и захотел попасть в СС, поскольку эта организация считалась наиболее элитным формированием партии. Я успешно сдал вступительные экзамены и после последнего вечера с друзьями, проведённого за танцами и выпивкой, прибыл к месту службы. Меня направили в *Totenkopf-Standarte Brandenburg*.

Обучение началось буквально с того момента, как мы переступили порог казармы. Подготовка в СС отличалась от подготовки в других родах войск. Там было гораздо меньше крика и ругани. Вместо приказов вроде: «Беги, свинья, беги!» инструкторы говорили примерно так: «Твой долг — выполнить это упражнение». Они стремились воспитывать и обучать, а не унижать и ломать человека. Мы рано вставали, рано ложились спать, хорошо питались, бегали, маршировали, затем снова бегали и снова маршировали. Кроме того, мы изучали военное право и основы военной стратегии. Обсуждались политические вопросы и текущие новости, однако основное внимание уделялось строевой подготовке и дисциплине. В дальнейшем, на более поздних этапах обучения, нам разрешали проводить выходные вне части, но горе было тому, кто после вечерних развлечений опаздывал на вечернюю поверку. Наши офицеры относились к нам как к взрослым людям и товарищам. Они регулярно ели вместе с нами и общались в неформальной обстановке.

Я хотел бы развеять один миф, который любят повторять многие историки. В *Ваффен СС* не проводились так называемые учения со стрельбой боевыми патронами по своим, будто мы были какими-то безрассудными фанатиками. Мне кажется, некоторые люди хотят представить нас сверхчеловеками или помешанными на войне людьми. Это не соответствует действительности. Настоящие боевые патроны использовались лишь на определённых этапах подготовки и исключительно под строгим контролем. Например, мы могли ползти по-пластунски под огнём из стволов, ведущих стрельбу поверх наших голов, чтобы максимально приблизить обучение к реальным условиям боя.

Как американца, меня всегда учили, что эмблема СС — мёртвая голова — является доказательством злых намерений, ради которых Гиммлер создал СС. Она выглядит мрачно и даже сатанински. Почему именно этот символ стал вашим знаком?

(Ойлинг смеётся). Это неудивительно, поскольку большинство американцев плохо знакомы с европейской и германской историей. Символ *мёртвая голова* использовался с давних времён и в самых разных целях. Я остановлюсь на его военном значении, поскольку именно оно здесь наиболее уместно. В старых армиях этот символ означал готовность

сражаться насмерть под духовным покровительством павших товарищей. Позже его стали использовать элитные части: гусары, гвардейские подразделения и многие другие формирования практически во всех европейских армиях. Особенно часто этот символ применялся в Пруссии, и со временем он стал символом воинского духа и корпоративной гордости. Его использовали армия Германской империи, части *Фрайкора* и многие другие. Вероятно, именно поэтому рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер решил принять этот символ для формирований, которые должны были стать элитой партии. Ничего зловещего в нём нет — это старая военная традиция. Даже ваша эскадрилья *Jolly Rogers* использует подобную символику на своих самолётах.

Сегодня этому символу приписывают разные значения: *Смерть прежде бесчестья, Сражаться до конца, Не бояться смерти* и многие другие. Неужели все армии, использующие этот знак, следует считать сатанинскими? Для нас он не имел отношения ко злу. Такое толкование распространяют лишь наши противники и невежественные люди. Для нас он означал верность памяти предков до самой смерти и должен был внушать страх нашим врагам.

Вы участвовали в Польской кампании в составе дивизии Totenkopf. Какой была эта война?

Мы понимали, что назревает конфликт с Польшей. Немецкое радио постоянно сообщало о том, что после приграничных столкновений некоторые поляки продолжали нападать на немцев на территории Германии и даже убивали их. Об этом знали все. Когда нам выдали боеприпасы, дополнительные пайки и начали перебрасывать в районы сосредоточения, слухи о скором вторжении в Польшу стали повсеместными. Наши офицеры собрали нас и прямо сказали, что возможна война. Они подчеркнули необходимость строго соблюдать законы войны в отношении пленных и гражданского населения. Нам приказали быть осторожными при ведении огня, помнить о крестьянах, работающих в полях, и о детях.

Польская армия к тому времени стала одной из крупнейших в Европе. После победы над Красной армией поляки, как нам казалось, были очень уверены в себе. У пленных мы находили карты и пропагандистские листовки, на которых новая польская граница после предполагаемой победы проходила уже у самого Берлина. Я хорошо помню, что западная часть Польши казалась очень похожей на Германию — аккуратной и благоустроенной. Чем дальше на восток мы продвигались, тем более бедной и запущенной выглядела местность. Мы были разочарованы, когда узнали, что нас будут использовать не на передовой, а для зачистки оставшихся очагов сопротивления. Причина заключалась в том, что тактика блицкрига позволяла быстро обходить крупные группы противника, и кому-то приходилось заниматься ими позже. Подразделения *Totenkopf* сталкивались с польскими солдатами, которые переодевались в гражданскую одежду, пытались скрыться, но при этом сохраняли оружие и продолжали участвовать в боестолкновениях. Когда таких людей задерживали, их уже не считали обычными военнослужащими, поскольку они нарушали существовавшие тогда правила ведения войны. Подобные случаи происходили достаточно часто в полосе действий дивизии и впоследствии стали одной из причин обвинений в адрес подразделения в совершении военных преступлений.

Мы также сталкивались с диверсиями. Солдаты могли прятаться в населённых пунктах, открывать огонь по проходящим колоннам, а затем выдавать себя за мирных жителей во время обысков. Некоторые местные жители помогали им укрываться, прекрасно понимая последствия своих действий. Помню один эпизод. Мы вошли в населённый пункт, где толпа громила синагогу. К моменту нашего прибытия несколько евреев уже были убиты. Мы вмешались и остановили дальнейшее насилие. Да, подразделение с эмблемой в виде *мёртвой головы* спасало евреев от антисемитской толпы...

Наша жизнь в Польше состояла не только из боевых действий. Многие местные жители выходили либо приветствовать нас, либо просто посмотреть, кто мы такие. У нас были довольно хорошие отношения с гражданским населением. Мы обменивались продуктами и сигаретами, а многие пожилые люди с теплотой вспоминали немецких солдат времён ПМВ. Один старик даже с гордостью рассказывал нам, что его внучка родилась от немецкого солдата. Тем не менее нам очень не нравилось то, как нас использовали. Вместо участия в крупных боевых операциях мы занимались сбором отставших солдат противника и борьбой с небольшими группами поляков, пытавшимися продолжать сопротивление. К счастью для нас, эта кампания закончилась довольно быстро.

Немецкие солдаты расстреливают поляков

Вы также участвовали в войне против Франции и стран Бенилюкса?

В начале 1940 года меня отобрали для обучения в офицерской школе, и обучение продолжалось уже после начала Западной кампании. Моя часть воевала, а я — нет. После окончания курса мне предоставили отпуск, что ещё больше задержало моё возвращение к товарищам. Когда я наконец прибыл на фронт, активные боевые действия уже практически завершились.

Как проходила офицерская подготовка в школе СС?

Во многом это напоминало университет, дополненный элементами военного лагеря. Много времени мы уделяли изучению истории войн, тактики и стратегии, но самым важным считалось становление нас как лидеров. Нас учили справляться со стрессом на поле боя, работать с трудными подчинёнными, реагировать на случаи неповиновения, переживать известия о потерях дома и гибели товарищей, а также поддерживать моральный дух подразделения, не ослабляя дисциплину. Все наши преподаватели обладали либо боевым опытом, либо серьёзным опытом командования. Эта подготовка помогла мне научиться лучше понимать самых разных людей, как во время войны, так и после неё. Мне нравилось учиться. Я серьёзно относился к занятиям и с удовольствием участвовал в беседах с преподавателями и другими курсантами. Необходимо было успешно завершить все курсы

и экзамены. Особой честью считалось получение парадного меча СС после окончания обучения.

Вы воевали на Восточном фронте. Какими были Ваши впечатления от вторжения в Советский Союз?

После окончания офицерской школы я прошел через в несколько частей и в итоге оказался в моторизованной пехоте. Честно говоря, меня это не слишком радовало, поскольку я хотел служить в линейной боевой части, а не заниматься зачисткой местности от изолированных групп противника, однако именно этим мне снова пришлось заниматься. Тактика *блицкрига* позволяла быстро обходить большие группы советских войск, а подразделения *Totenkopf* и другие части затем должны были принуждать эти окружённые формирования к капитуляции.

В июле мы начали перемещение из южной части Польши и вступили на территорию южной Украины, занимаясь отловом оставших от своих советских солдат и ликвидацией очагов сопротивления. Помню один необычный эпизод, связанный с советскими парашютистами. На мой взгляд, они были плохо организованы, однако продержались около месяца. Во время допросов их офицеры утверждали, что готовились к десантированию на территорию Польши, но наше наступление началось раньше. Для нас это, наряду с огромным количеством у русских наступательного вооружения и техники, служило подтверждением того, что Сталин готовил нападение на Германию, но мы просто нанесли удар первыми.

По мере продвижения по Украине мы впервые столкнулись с партизанами. Я называю их преступниками, потому что, по моему мнению, они нарушали законы войны. Если память не изменяет, однажды группа примерно из двадцати человек атаковала армейский поезд снабжения. Солдаты из охраны были убиты уже после того, как сдались. Их трупы были обобраны, а на некоторых из них имелись следы пыток. Итак, мы услышали стрельбу, поскольку находились неподалёку, сразу направились к месту нападения и попали под огонь. Атаковавшие поезд отступили, а позже нам удалось заблокировать их. Они отказались сдаться и укрылись в какой-то деревне, продолжая вести огонь. В тот момент мы ещё не знали, что в ней остаются гражданские. Поскольку населённый пункт казался пустым, его обстреляли из миномётов и пулемётов, после окончания боя семь человек были захвачены живыми. Мы были крайне раздражены тем, что из-за их действий погибли местные жители, которые не смогли найти себе укрытие. Затем состоялся ускоренный военно-полевой суд. Обвиняемых признали виновными в нарушении законов войны и приговорили к смертной казни. Это решение далось нелегко, но гнев по отношению к нападавшим был очень велик. Один из выживших жителей деревни рассказал, что эти люди уже появлялись там и ранее, требовали продовольствие и говорили, что являются солдатами, скрывающимися в тылу и совершающими нападения на немецкие коммуникации.

С боевыми действиями подобного рода нам приходилось сталкиваться постоянно. Многие задержанные участники сопротивления направлялись в лагеря для принудительных работ, а те, кого обвиняли в убийствах, нередко подвергались казни. Именно поэтому против нас позднее выдвигалось так много обвинений в военных преступлениях. Наше подразделение достигла больших успехов в борьбе против противника, действовавшего в нашем тылу. Мы старались хорошо относиться к местным жителям и часто воспринимались ими как освободители. Мне довелось жить в домах многих людей, которых ещё недавно считали врагами. Со временем между нами возникало взаимное уважение. Они угощали нас едой и делились информацией о происходящем вокруг.

Позднее осенью мы увидели в действии украинские вспомогательные формирования. Они продвигались вместе с нами дальше на восток и, как нам казалось, стремились свести счёты с бывшими коммунистическими властями. Любого еврея или политического руководителя, попавшего им в руки, они расстреливали на месте, если он не представлял

ценности как источник разведывательной информации. Немецким подразделениям было приказано не вмешиваться. Мы, эсэсовцы, знали, что советские евреи делали с этими людьми во время революции и после нее: миллионы людей были выдворены из своих домов и убиты. Пришло время мести, мы пытались донести до них, что что они всего лишь провоцируют своих врагов на жестокие ответные действия, но нас не хотели слушать. Мы сами нередко руководствовались соображениями мести, когда задерживали людей, обвиняемых в нападениях на коммуникации и тыловые объекты и убийствах из-за угла и засад.

Ваше подразделение и все части, входившие в дивизию Totenkopf, обвиняются в совершении военных преступлений практически на всех фронтах, где Вы воевали — в Польше, Франции и России. Дивизию обвиняют в расстрелах военнопленных, мирных жителей, убийствах священнослужителей. И это е говоря уже об айнзацгруппах и уничтожении евреев. Можете это прокомментировать?

Я должен осторожно подбирать слова, сами понимаете. От кого исходят эти обвинения? Сегодня, кажется, любой человек может придумать какую угодно историю. Большинство подобных обвинений исходит от людей, которые ненавидели нас с самого начала. Что касается так называемых «признаний», сделанных испуганными или выжившими из ума бывшими солдатами, то мне кажется, что люди просто перестали мыслить критически. Есть старая сказка о человеке, приговорённом к смерти, который каждый день рассказывал всё новые и новые невероятные истории, лишь бы отсрочить казнь ещё на один день. То же самое, по моему мнению, происходило со многими, попавшими в плен к союзникам, и особенно с находившимися в советском плену. Даже сегодня некоторые ветераны пишут мемуары, поддерживающие точку зрения союзников, даже если ради этого приходится поступаться собственной совестью, потому что иначе их никто не станет публиковать.

Танкисты Дивизии Frundsberg в Нормандии, 1944 года

Во время пребывания в лагерях военнопленных многие подвергались жестокому обращению, и некоторые были готовы признаться в чём угодно, лишь бы это прекратилось. Я знал эсэсовцев, которым грозила смертная казнь. Они рассказывали победителям всё, что те хотели услышать, какими бы невероятными ни были эти истории, только бы прожить ещё один день. К сожалению, многие такие рассказы впоследствии попали в судебные материалы и исторические труды. Если верить некоторым авторам, то складывается впечатление, будто всё свободное время мы только и делали, что охотились на евреев и устраивали над ними какие-то злодеяния. По словам советской пропаганды, мы

насиловали всех подряд, даже мёртвых, убивали младенцев со смехом, а иногда, будучи пьяными, вырывали детей из утробы матерей. Недавно я прочитал историю о еврейской девочке в Париже, которая шла с матерью и ела яблоко. Якобы эсэсовец застрелил мать только ради того, чтобы забрать яблоко, а затем изнасиловал ребёнка. Или вот ещё один рассказ: будто танкисты из дивизии *LAH* забирали младенцев из бельгийского сиротского приюта и давили их танками, чтобы смазывать гусеницы. Полный абсурд. Меня поражает количество подобных обвинений, которые сегодня преподносятся как бесспорная истина. При этом колоссальные преступления, совершённые против нас, практически не исследуются и редко становятся предметом обсуждения. Когда мы предстанем перед высшим судом, наша совесть будет чиста, и нас признают невиновными. В этой войне победили силы тьмы, а не праведники, как они утверждают.

Вы находились в Голландии во время [операции Market Garden](#). Какой она запомнилась Вам?

Да, позже меня перевели в дивизию *Fruntsberg*, чем я очень гордился. Теперь я служил в полноценной фронтовой танковой дивизии, постоянно участвовавшей в боях. После тяжёлых боёв в Нормандии, где мы пытались остановить наступление союзников, дивизию пришлось вывести из линии фронта для восстановления. Слово «восстановление» здесь даже лучше подходит, чем «реорганизация»... Подавляющее превосходство союзников в итоге оказалось слишком велико. Я получил назначение в панцергренадерский полк. Я быстро освоился, поскольку уже имел боевой опыт и награды. В Нормандии колоссальное превосходство союзников в артиллерии и авиации делало любое передвижение крайне опасным, но тем не менее дивизия *Fruntsberg* добилась ряда локальных успехов в боях против британцев. Мои солдаты показали *томми* (*tommy* – обычное для немцев прозвище британских солдат – *BK*), как нужно воевать, несмотря на превосходство противника в вооружении и численности, но в итоге нас просто задавили количеством.

К августу 1944 года мы представляли собой лишь тень прежней дивизии. Нас отвели в Голландию для восстановления. Для солдат это было приятное место: дружелюбные люди, хорошая еда и красивые девушки, любившие танцевать. С понедельника по пятницу мы чистили оружие, ремонтировали технику и приводили себя в порядок. Выходные мы проводили среди местного населения, но 17 сентября наш отдых был прерван. Небо внезапно заполнилось самолётами и парашютами. Генерал [Биттрих](#) (Wilhelm Bittrich) с изумлением заметил, какое огромное количество самолётов имеется у союзников, и сказал, что если бы у нас была хотя бы половина от этого, мы могли бы добиться больших успехов. Вскоре начали поступать сообщения о высадке союзных десантников по всей территории Голландии, в том числе в полосе действий нашей дивизии.

Моё подразделение направили в район Неймегена/Nijmegen. Было очевидно, что союзники стремятся захватить мосты, однако нам запретили их взрывать. Мы сразу вступили в бой с американцами и небольшими силами сумели сдержать их наступление. Хочу отметить, что ранее союзники бомбили Неймеген, в результате чего погибли сотни мирных жителей, поэтому мы старались не использовать жилые дома в качестве укрытий. В самом городе почти не было немецких частей, лишь несколько членов голландской [нацистской] организации *NSB* вступили в бой по просьбе мэра города. Насколько я понимаю, он хотел показать, что и голландцы тоже сражаются против союзников. Союзники без колебаний использовали миномётный и пулемётный огонь в жилых кварталах, что привело к многочисленным жертвам среди гражданского населения, и нашим медикам приходилось заботиться о большом количестве раненых жителей города. Кроме того, союзная авиация атаковала район, где находились гражданские лица и медицинские пункты, обозначенные знаками Красного Креста. В результате чего погибло много людей.

Улица Неймегена после изгнания из него немцев. На переднем плане слева – труп немца, укрытым куском брезента...

Сражение стало для нас небольшой победой. Мы остановили союзников на пути к Арнему и, несмотря на численное превосходство противника, сумели задержать продвижение британского 30-го Корпуса к намеченной цели... Я собственными глазами видел, как американские солдаты расстреляли двух членов *NSB* после того, как те сдались в плен, и приказал одному из своих снайперов попытаться уничтожить этих солдат, но расстояние оказалось слишком большим.

Вы получили Рыцарский Крест за действия в Нормандии и под Неймегеном?

Да. Добавлю, что мои солдаты были превосходными бойцами, и всеми моими успехами как офицера я обязан прежде всего им. Награда, которую мне вручили, была оплачена их жертвами и их мужеством. Союзники попытались окружить мою боевую группу, однако мне и моим офицерам удалось организовать прорыв, после чего уже мы сами стали угрожать противнику окружением, вынудив его либо отступать, либо сдаваться. Мы удерживали позиции против значительно превосходящих сил, располагая лишь разрозненной группой раненых солдат, резервистов и уставших эсэсовцев. Для меня это было доказательством боевого духа немецкого солдата.

Когда Вы поняли, что война проиграна? И был ли у Германии вообще шанс победить?

Я достаточно глубоко изучал историю, чтобы понимать: в любой момент может произойти что угодно. Поэтому, хотя к концу 1944 года положение Германии было крайне тяжёлым, я всё ещё надеялся на возможность какого-то мирного урегулирования. Для меня война была окончательно проиграна только после [Арденнского наступления](#). Когда нам не удалось прорвать фронт и рассеять позиции союзников, я понял, что мы потерпели поражение. Позиция «диванного генерала» всегда удобна: задним числом легко рассуждать о том, какие решения следовало принимать и какие ошибки были допущены. С моей точки зрения, Германия могла победить следующим образом. Боевых действий на некоторых фронтах было невозможно избежать — например, в Норвегии, страны Бенилюкса, на Балканах и в России. Африканская кампания ([1](#), [2](#)), на мой взгляд, была пустой тратой сил. Войска, задействованные в Африке, следовало перебросить на Восточный фронт, начать вторжение в мае [1941-го], захватить Москву, перерезать железнодорожные коммуникации и сосредоточить более крупные силы на северном направлении для пресечения поставок американской помощи.

Что касается Великобритании, следовало продолжать бомбардировки аэродромов, чтобы постоянно держать британцев в напряжении и не позволять им восстановить свои силы. Если бы нам удалось разгромить Советский Союз, тогда можно было бы сосредоточить всё внимание на Британии и Соединённых Штатах. Основной упор следовало сделать на строительство подводных лодок для уничтожения морских конвоев. Печальная правда заключается в том, что Германия не была готова к большой войне. Польская кампания является хорошим примером. Да, мы победили Польшу, при этом её армия была многочисленной, хорошо мотивированной и обладала, по моему мнению, лучшим оснащением, чем обычно признают историки. Эта кампания оказалась гораздо труднее, чем принято считать сегодня.

Фюрер, как я полагаю, не стремился к войне. Но действия союзников привели к тому, что ситуация вышла из-под контроля, и в итоге нам пришлось воевать практически со всем миром. При этом полноценная мобилизация экономики и вооружённых сил для ведения большой войны, по моему мнению, началась лишь к 1943 году.

Источник

www.mourningtheancient.com

Перевод – Владимир Крупник с применением ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.org